

УДК: 159.9:001.5

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-10-24

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКА: ВКЛАД М.С. РОГОВИНА***Мазилев Владимир Александрович****Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль)*

Статья посвящена обсуждению важных методологических проблем современной истории психологии. Утверждается, что история психологии в России сформировалась как отдельная область научно-психологического знания, исследованиями нескольких поколений ученых разработаны методологические основы истории психологии. Отмечается, что, несмотря на достигнутые успехи, в современной отечественной истории психологии существуют нерешенные методологические проблемы, следствием чего является отсутствие полноценной универсальной истории психологии, удовлетворительно объясняющей развитие психологической науки и характеризующей ее перспективы. Подробно обсуждаются идеи построения и разработки истории психологии, которые были предложены российским ученым М.С. Роговиным в 1960-е гг. Констатируется, что историко-психологическая концепция М.С. Роговина осталась недооцененной, кроме того, иногда она трактуется неправильно. Историко-психологическое знание М.С. Роговиным рассматривается как единство предметного и методологического знания, а сама психология включает в себя три различных, но взаимосвязанных содержания: донаучное, философское и научное, которые взаимодействуют на всем протяжении истории психологии. Роговин выделяет внешнюю и внутреннюю историю психологии, рассматривая ее как динамику психологических понятий и тех условий, которые ее направляют. Роговин является основателем понятийного анализа в отечественной истории психологии, сама динамика понятий рассматривается им на трех уровнях (факты как показатели движения психологических понятий; внутренние взаимоотношения психологических понятий, их самодвижение, связанное с функционированием определенных психологических механизмов; динамика понятий внутри теоретических систем современной психологии). Нами условно впервые выделяются этапы в творчестве М.С. Роговина. На третьем этапе (с 1970-х гг.) ученым разрабатывается структурно-уровневый подход к исследованию психики. Анализируются некоторые положения теории М.С. Роговина, важные для разработки нелинейной (уровневой) истории психологии. Утверждается, что идеи, высказанные им, имеют эвристическое значение для разработки истории психологии в будущем. С опорой на идеи М.С. Роговина возможен переход к построению истории психологии, базирующейся на уровневой трактовке предмета психологии, оцениваются перспективы данного подхода.

Ключевые слова: история психологии, методология истории психологии, единство методологии и истории, М.С. Роговин, структурно-уровневый подход к истории, эволюция предмета психологии.

**HISTORY OF PSYCHOLOGY AS A SCIENCE:
THE CONTRIBUTION OF M.S. ROGOVIN*****Vladimir A. Mazilov****Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl)*

The article is devoted to a discussion of important methodological problems of the modern history of psychology. It is argued that the history of psychology in Russia was formed as a separate area of scientific and psychological knowledge, its methodological foundations were developed in research works of several generations of scientists. Despite the advances of the modern Russian history of psychology, there remain unresolved methodological problems, resulting in the lack of a full-fledged universal history of

psychology that would satisfactorily explain the development of psychological science and characterize its prospects. The article discusses in detail the ideas on the development of the history of psychology proposed by Russian scientist M.S. Rogovin in the 1960s. The historical and psychological concept of M.S. Rogovin remains underestimated, and sometimes it is interpreted incorrectly. Historical and psychological knowledge is considered by M.S. Rogovin as a unity of subject and methodological knowledge, and psychology itself includes three different but interrelated contents: pre-scientific, philosophical, and scientific, which interact throughout the history of psychology. Rogovin distinguishes the external and internal history of psychology, considering it as the dynamics of psychological concepts and the conditions that guide it. Rogovin is the founder of conceptual analysis in the Russian history of psychology. The dynamics of concepts are considered at three levels (facts as indicators of the movement of psychological concepts; internal relationships between psychological concepts, their self-movement associated with the functioning of certain psychological mechanisms; dynamics of concepts within the theoretical systems of modern psychology). This article is the first to distinguish the stages in M.S. Rogovin's work. At the third stage (from the 1970s), the author develops a structural-level approach to the study of the psyche. The article analyzes some provisions of the theory of M.S. Rogovin that are important for the development of a non-linear (level) history of psychology. It is argued that the ideas expressed by the author are of heuristic importance for the development of the history of psychology in the future. Based on the ideas of M.S. Rogovin, it is possible to proceed to the development of the history of psychology based on the level interpretation of the subject of psychology, the prospects of this approach are assessed in the article.

Keywords: history of psychology, methodology of the history of psychology, unity of methodology and history, M.S. Rogovin, structural-level approach to history, evolution of the subject of psychology.

«Нет такого знания, нет такого утверждения, которое не заключало бы в себе продуктов наших теорий знания».

Н.О. Лосский

Введение

К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» сделали известное замечание о том, что мы знаем только одну-единственную науку — науку истории. Пока время «единого» знания еще не наступило, существуют дисциплинарные рамки и, соответственно, исторические границы между научными дисциплинами, которые достаточно подвижны.

Если говорить о психологии, то, как и в любой другой области знания, в полном соответствии с дисциплинарными рамками существует история психологии. История психологии достаточно молодая дисциплина, хотя успела проделать значительный путь от простой регистрации и фиксации тех или иных событий к объяснению тенденций развития психологической науки. Как можно предположить, наиболее обоснованной датой возникновения истории психологии как отдельной области психологического знания стоит считать публикацию в 1808 г. третьего тома сочинений Фридриха-Августа Каруса (1770–

1807), в который, как известно, вошла его работа «История психологии» [Carus F.A., 1808].

За прошедшее время история психологии превратилась в развитую научную область, в которой оформились различные методологические подходы. Данная статья никоим образом не является обзором проведенных исследований, поэтому не ставится цели проследить этапы развития взглядов зарубежных и отечественных исследователей на методологию истории психологии. Отметим лишь, что трудами нескольких поколений отечественных историков психологии сформировались методологические основы истории психологии и историко-психологического исследования (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, О.А. Артемьева, Л.И. Анцыферова, С.А. Богданчиков, В.В. Большакова, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, М.С. Гусельцева, А.Н. Ждан, А.Л. Журавлев, В.Н. Ивановский, В.А. Карашан, Е.А. Климов, В.А. Кольцова, А.А. Костригин, Н.Н. Ланге, Е.В. Левченко, Н.А. Логинова, Т.Д. Марцинковская, И.А. Мироненко, Е.С. Минькова, О.Г. Носкова, Ю.Н. Олейник, А.В. Петровский, Ю.Б. Плавинская, В.Н. Помогайбин, К.К. Платонов, М.С. Роговин, В.А. Роменец, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Славская, Ю.Н. Слепко, А.А. Смирнов, М.В. Соколов, Н.Ю. Стояхина, Б.М. Теплов, Э.В. Тихонова, А.Н. Ткаченко, О.М. Тутунджян, В.В. Умрихин, Е.Н. Холондович,

Е.В. Шорохова, А.В. Юревич, В.А. Якунин, М.Г. Ярошевский и др.).

На наш взгляд, в отечественной истории психологии существуют значимые достижения. Изданы учебники по истории психологии, раскрывающие содержание мировой истории психологии (М.Г. Ярошевский, А.В. Петровский, А.Н. Ждан, Т.Д. Марцинковская, В.А. Якунин, А.В. Юревич и др.). Отметим лишь, что в отечественной истории психологии в последнее время активно используются наукометрические методы. В значительной степени благодаря исследованиям В.А. Кольцовой и ее лаборатории история психологии превратилась в современную отрасль с количественными и доказательными методами, конкретными методиками. В качестве примера может быть названа разработанная В.А. Кольцовой и Е.Н. Холондович процедура комплексной реконструкции психологических характеристик исторической личности на основе изучения ее целостной жизнедеятельности и продуктов творчества, которая включает совокупность исследовательских приемов [Холондович Е.Н., 2010; Кольцова В.А., Холондович Е.Н., 2013].

Не имея возможности охарактеризовать основные достижения в области методологии истории психологии (формат статьи не позволяет этого сделать), отметим в качестве особо значимых специальное глубокое раскрытие методологических основ истории психологии в работах В.А. Кольцовой [Кольцова В.А., 2004, 2008], многолетние исследования психологических теорий классика психологии Б.Г. Ананьева, выполненные Н.А. Логиновой [Логинова Н.А., 2005, 2006, 2016], исследование, посвященное работам С.Л. Рубинштейна [Славская А.Н., 2015], работу И.А. МIRONЕНКО, в которой российская психология рассматривается в контексте мировой психологической науки [МIRONЕНКО И.А., 2015], анализ методологических аспектов истории и теории отношений в психологии [Левченко Е.В., 2003], социально-психологической детерминации развития российской психологии [Артемьева О.А., 2015] и ряд других.

В результате исследований, проводимых отечественными историками психологии, сокращается количество лакун, «белых пятен», что несомненно приближает к созданию полной истории психологии.

В последние годы регулярно проводятся специальные научные конференции по истории психологии (Московские встречи, Арзамасские чтения, ежегодно работает представительная секция на Ананьевских чтениях), кроме того, вопросы истории психологии активно обсуждаются на конференциях, посвященных юбилеям психологов и знаменательным датам.

Однако нельзя не видеть, что далеко не все в области истории психологии обстоит благополучно. Многими авторами отмечается, что работ по истории психологии, в частности, диссертаций, выполняется совсем немного, молодежь не проявляет интереса к вопросам истории психологии, и, как следствие, многие актуальные вопросы истории психологии не получают разработки. Можно констатировать, что интерес к исследованию истории психологии в целом снижается. Как и любая сложная проблема, данная ситуация требует специального исследования.

В порядке предварительного обсуждения этого непростого вопроса выскажем несколько соображений.

Во-первых, в настоящее время происходит неуклонное снижение интереса к теоретическим вопросам психологии. Действительно, если в 1960–1970-е гг. в психологии наблюдался очевидный подъем, психологию именовали наукой будущего, предрекали наступление психозойской эры и т.п., в настоящее же время можно скорее говорить о падении интереса к научной психологии в целом. Более того, на изучение традиционных для психологии проблемных полей активно претендуют когнитивные науки и нейронауки. Престиж научной психологии блекнет, что естественно сказывается на отношении к истории психологии.

Во-вторых, необходимо учитывать, что в научной психологии продолжается методологический кризис. По-видимому, психологам надоело обсуждать проблему кризиса в целом, поэтому в настоящее время речь идет о *кризисе доверия к результатам исследований* в области психологии. Кризис заключается в том, что в современной психологии отсутствует необходимая репликация: повторные исследования, повторяющие проведенные ранее, не дают того же результата. Исследования, посвященные «кризису репликации», имели достаточно большой резонанс. Понятно, что такие публикации не способствуют повышению интереса к истории психо-

логии в целом и проведению историко-психологических исследований в частности.

В-третьих, не стоит забывать про извечную проблему психологии, состоящую, как известно, в том, что в научной психологии традиционно существует множественность исследовательских подходов, прямым следствием чего являются десятки теорий одного и того же психического явления, число различных определений основных психологических понятий исчисляется едва ли не сотнями. Конечно, для этого есть объективные предпосылки, заключающиеся в первую очередь в сложности и многомерности объекта и предмета психологии. Известно, что за основу для построения той или иной психологической теории берется ограниченный эмпирический базис, а это приводит в конечном счете к конструированию ограниченной (частной) теоретической модели. Однако по традиции теория позиционируется авторами как *общая*, претендующая на объяснение того или иного психологического явления в целом. К сказанному — достаточно очевидному — можно добавить и некоторые традиции, существующие в психологической науке: идущая от Вундта традиция конструировать предмет узко аналитически, а психологическое исследование строить как направленное на изучение единиц психического, перенося полученные результаты на целое. Можно было бы указать на исторически обусловленные ограниченные возможности *объяснения* в современной психологии, приводящие к тому, что вместо полноценного научного объяснения авторы часто довольствуются интерпретацией. И — последнее: современная психология чрезвычайно далека от финальности, от построения обобщающих глобальных теорий (хотя бы потому, что наука пока не понимает подлинной природы психического). История психологии пишется с позиций сегодняшнего дня, поэтому принципиально не может быть окончательной.

Впрочем, здесь не время и не место вдаваться в обсуждение сложных методологических вопросов *современной психологии* (см. подробнее: [Мазилев В.А., 2021с]). Однако сказанного вполне достаточно, чтобы сделать следующее заключение: в современной психологии (несмотря на все очевидные успехи и достижения) пока что отсутствует полноценная универсальная история психологии, адекватно реконструирующая развитие психологии и характеризую-

щая ее перспективы; престиж истории психологии (особенно в глазах научной молодежи) оставляет желать лучшего. Отсюда вывод: для современной истории психологии по-прежнему актуальна разработка новых подходов к методологии истории психологии (еще раз — во избежание недоразумений — повторим, что сказанное ничуть не принижает и не ставит под сомнение достижения классической методологии истории психологии, о которой речь шла выше), позволяющих в полной мере учесть сложности, связанные с исследованием психического, и дающих возможность адекватной исторической реконструкции прошедших этапов в развитии психологической науки.

Как нам представляется, в поиске новых подходов к разработке методологии истории психологии полезно учесть опыт методологических и историко-психологических исследований, проведенных М.С. Роговиным.

Целью настоящей статьи является анализ представлений об истории психологии М.С. Роговина. Обычно его не упоминают в числе ведущих отечественных специалистов в области истории психологии, полагая, что он в большей степени методолог психологической науки. Некоторые основания для этого есть, поскольку его вклад в методологию уникален. Однако его историко-психологическая концепция оригинальна и, как попытаемся показать ниже, имеет важное значение для современной науки. Особенно перспективными представляются идеи, выдвинутые ученым на третьем этапе творчества (1970–1980-е гг.).

М.С. Роговин как историк психологии: период «Введения в психологию»

М.С. Роговин (1921–1993) — известный отечественный психолог, внесший значительный вклад в медицинскую, клиническую, общую, военную психологию, философию психологии [Залевский Г.В. и др., 2013; Мазилев В.А., 2021а; Слепко Ю.Н., Мазилев В.А., 2021]. Совсем недавно отмечалось столетие со дня рождения ученого [Слепко Ю.Н., Мазилев В.А., 2021]. Однако наша статья никоим образом не юбилейная, посвящена она анализу идей исследователя, высказанных по поводу истории психологии.

Как уже отмечалось в литературе [Мазилев В.А., 2006, 2011, 2021d], наиболее значи-

тельный вклад ученым был внесен в философию психологии, методологию и историю психологии.

Кратко укажем лишь некоторые особенности его научного стиля, в значительной степени определившие направление и результативность научных поисков:

1. Беззаветное служение психологии и принятие на себя *ответственности за судьбу мировой психологии*.

2. Потрясающее умение видеть процессы системно, многогранно, во всей их сложности и целостности, а также «плюсы» и «минусы» того или иного научного подхода, явления или феномена.

3. Неизменное стремление выстраивать *полноценное научное объяснение*, которое в психологии неизбежно должно быть *уровневым*.

4. Глубочайшая *методологическая культура*, объективная оценка (свободная от моды и конъюнктуры) возможностей того или иного подхода.

5. Независимость *от идеологии* диалектического и исторического материализма, убежденность в существовании психики как реально-сти, ее онтологическом статусе.

6. Приверженность *генетическому и историческому принципам* в широком смысле, умение видеть явления в их развитии.

7. Убежденность в *ценности психопатологии и клинических данных для построения научной психологии*.

Указанные черты научного стиля в сочетании с научной смелостью и внутренней свободой, прекрасным знанием иностранных языков, широчайшей эрудицией и преданностью психологической науке, свободным доступом к мировой научной литературе обеспечили достижение выдающихся результатов.

Вклад М.С. Роговина в историю психологии обширен и многогранен. В годы, когда идеология беззастенчиво вторгалась в пределы науки, М.С. Роговин в некотором роде «выполнял» роль, позволяющую отечественной науке оставаться в контексте мировой психологии. Когда многие авторы, пишущие о зарубежной психологии, считали своим долгом осуществить зубодробительный анализ буржуазной науки, выявить ее «классовую и идеологическую сущность», Роговин умудрялся разъяснить новые научные идеи и показать их перспективность. В

зарубежной психологии он ориентировался как у себя дома — в его научные интересы входило понимать те процессы, которые происходят в мировой психологической науке. Я бы отметил безупречный вкус автора — из огромного потока научных исследований он безошибочно выделял те работы, которые были особенно значимы для развития психологии. И в этих случаях ему удавалось опережать время.

Его многочисленные аналитические обзоры и статьи в журналах «Вопросы философии», «Журнале невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова» «позволили приобщиться к научным поискам “буржуазных” ученых. Переводы текстов Ж. Пиаже, Б. Инельдер, М. Мид, А. Валлона, К. Лоренца и других психологов, мастерски выполненные М.С. Роговиным, представляли собой своего рода хрестоматию по современной зарубежной психологии. Его любимец — Пьер Жане — стал по-настоящему известен в СССР именно благодаря публикациям М.С. Роговина. Джордж Келли — автор хорошо известной ныне теории личностных конструктов и еще более широко используемой техники репертуарных решеток, по сути, открыт нашей публике М.С. Роговиным. Его аспирантка И.Н. Козлова написала диссертацию по теории личностных конструктов» [Мазиллов В.А., 2006, с. 105–106]. Историко-психологический анализ содержится в известных работах по теории памяти [Роговин М.С., 1966, 1977a], в методологических исследованиях [Роговин М.С., 1974, 1977b, 1978, 1979].

Не будем отвлекаться на анализ «мелких» историко-психологических работ, сосредоточимся на авторской концепции истории психологии [Роговин М.С., 1968, 1969]. Подчеркнем, что речь идет именно о концепции истории психологии.

Главной идеей, необходимой для правильной трактовки подхода М.С. Роговина, является понимание того, что знание историческое — это единство знания предметного и знания методологического. Без методологии слепа история, а без истории методология пуста — этот знаменитый тезис Имре Лакатоса профессор М.С. Роговин разделял полностью.

М.С. Роговин был сторонником идей французской школы, которая традиционно рассматривала проблемы нормальной психологии в связи с нарушениями психики. Глубокая

мысль, что сама природа ставит эксперимент, психическое нарушение выявляет механизмы работы психики, которые оказываются недоступны другим методам исследования. Очень важно, что такой подход оказывается необходимо целостным. И он не оставляет ни тени сомнения в реальности существования психики, в том, что психика имеет несомненный онтологический статус. Именно представление М.С. Роговина о целостной психике человека позволило ему сделать фундаментальные открытия в научной психологии.

Важнейшим отличием подхода Роговина от трактовок истории психологии других авторов является трактовка понятия «психология». Многогранность понятия «психология» заключается в том, что оно «включает в себя по меньшей мере три различных и в то же время глубоко взаимосвязанных содержания. Первое содержание понятия психологии порождается деятельностью людей, их все усложняющимися в ходе исторического развития взаимоотношениями. Это психология, которую, по меткому определению Пьера Жана, народ создает еще до психологов, достигает определенной ступени развития, психология, в которой знание и деятельность слиты воедино, обусловленные необходимостью понимать другого человека в процессе совместного труда, необходимостью правильно реагировать на его действия и поступки. Эту психологию нередко обозначают как “донаучную”, хотя это верно только в генетическом, но отнюдь не в хронологическом плане» [Роговин М.С., 1969, с. 18]. «Когда человеческое общество достигает определенной ступени развития производительных сил и производственных отношений, культуры, государственности, возникает философская психология — составная часть первичных комплексов научных знаний и в то же время из-за отсутствия специальных методов исследования еще очень близкая донаучной психологии. В ходе своего развития философская психология стремится сочетать сумму имеющихся научных знаний о психике и ее материальном субстрате с определенными логическими и методическими схемами» [Роговин М.С., 1969, с. 18–19].

«И, наконец, во второй половине XIX в. психология вместе с внедрением эксперимента и торжеством генетической точки зрения постепенно обретает черты науки» [Роговин М.С.,

1969, с. 19]. Развитие психологии может быть понято как взаимодействие, сосуществование трех различных составляющих, трех психологий, различающихся по происхождению, времени появления, составу, методам и т.п., — донаучной, философской и научной.

Особенно важно подчеркнуть, что, согласно Роговину, «самой характерной особенностью истории психологии является то, что все эти три значения психологии не сменяют друг друга как последовательные этапы, а продолжают существовать наряду друг с другом, оказывая друг на друга влияние в большей или меньшей степени» [Роговин М.С., 1969, с. 19].

Роговин подчеркивает, что «главные различия лежат в области методов. Основным методом научной психологии является эксперимент, совершенно не знакомый ни донаучной, ни философской психологии. Наблюдение как метод остается, но становится частью эксперимента и поэтому меняет свою психологическую структуру. Еще больше меняет свою структуру метод интерпретации: выступая действительно в качестве метода в донаучной и философской психологии, он остается в современной науке лишь как средство выразить определенные отношения психологических понятий» [Роговин М.С., 1969, с. 19].

Трагедией психологии является расхождение ее трех составляющих: «В известной мере трагедией психологии является расхождение ее трех составляющих. Лабораторный эксперимент, давая огромный выигрыш в точности, удаляет нас от реальных жизненных ситуаций. Поэтому квалифицированно проведенное психиатрическое наблюдение и описание оказываются куда ближе к истине, чем самый изощренный эксперимент» [Роговин М.С., 1969, с. 19].

В книге «Введение в психологию» М.С. Роговин пишет: «Поскольку мы не можем раскрыть характер взаимоотношений всех трех значений термина “психология” с той полнотой, которую можно было бы ожидать от подробной истории психологии, мы вынуждены прибегнуть к приему, которым неоднократно будем пользоваться и в ходе дальнейшего изложения. Мы выбираем для более или менее подробного анализа один вопрос, который представляется наиболее ярким и типичным примером» [Роговин М.С., 1969, с. 20]. Своей «Истории психологии» М.С. Роговин так и не

написал. Мною неоднократно задавался этот вопрос, на что М.С. Роговин неизменно отвечал: «Я-то напишу, да кто это напечатает?» Писать в стол ученый не мог себе позволить (см. об этом подробнее: [Мазилев В.А., 2021b]).

Для экспликации историко-психологических взглядов М.С. Роговина, как представляется, необходимо обратиться к описанию *философии психологии*, разработанной М.С. Роговиным, как минимум, в той ее части, которая имеет самое непосредственное отношение к истории психологии.

За неимением необходимого объема для развернутого изложения, сформулируем основные положения тезисно, в предельно краткой форме.

1. Знание *историческое* представляет собой единство знания *предметного* и знания *методологического*.

2. История психологии, описываемая историками психологии, представляет собой часть единого процесса, который берет начало в древности и продолжается сейчас и будет продолжаться дальше. История психологии далека от «финальности», поскольку психология постоянно развивается, это длительный процесс, уходящий в будущее.

3. Становление психологии как самостоятельной науки пока *не завершено* — идет процесс становления, который пока что явно не завершен.

4. Согласно Роговину, необходимо руководствоваться принципом *единства исторического и логического*. Исторический подход важен, необходим, исходить нужно именно из него. Логическое — концептуализация пройденного исторического пути.

5. Развитие психологии происходит в противоборстве и взаимодополнении двух противоположных тенденций — *дифференциации* и *интеграции* психологического знания.

6. Для понимания психического и его механизмов особое значение имеет психопатология. В психических нарушениях проявляются труднодоступные для исследователя механизмы психики: психическое нарушение выявляет механизмы работы психики, которые оказываются недоступны другим методам исследования. Важно подчеркнуть, что такой подход оказывается *необходимо целостным*.

7. В истории психологии существуют «*внешняя*» и «*внутренняя*» *истории психологии*. Этот тезис нуждается в пояснении. «Для того, чтобы проследить развитие психологии, мы — хотя и с большой долей условности — выделяем “внешнюю” и “внутреннюю” стороны этого процесса. Первую составляют факты истории науки, вторую, в основном, изменения содержания психологических понятий и динамика факторов, обуславливающих эти изменения» [Роговин М.С., 1969, с. 12].

8. В истории психологии должен реализоваться *уровневый подход*. Речь, напомним, идет о «Введении в психологию» [Роговин М.С., 1969]. «Основное содержание работы свелось к внутренней истории, то есть прослеживанию динамики психологических понятий и тех условий, которые ее направляют. Такое содержание само по себе определяет и структуру работы. Она построена по принципу трех отдельных срезов, проведенных через психологию на разных уровнях. На первом из них конкретные факты из истории психологии как науки являются основным показателем *движения психологических понятий*. Второй уровень — это, главным образом, *внутренние взаимоотношения психологических понятий*, их самодвижение, связанное с функционированием определенных психологических механизмов. И третий уровень, надстраивающийся над предыдущими и включающий их в себя, — это *динамика понятий внутри теоретических систем* современной психологии» [Роговин М.С., 1969, с. 12–13].

Руководствуясь этими принципами, М.С. Роговин выстраивает оригинальную картину развития научной психологии. Не имея возможности в силу ограниченного формата публикации репрезентировать в рамках настоящего текста даже основные результаты, полученные автором, обратим внимание лишь на следующее.

Как уже отмечалось, любимым автором — ученым М.С. Роговина был именно Пьер Жане. В творчестве Жане сошлись все три составляющие психологии: П. Жане был знатоком донаучной психологии, философом, размышляющим о психологических проблемах, и великим научным психологом, строящим свои научные теории на основе богатого *клинического анализа*. После смерти П. Жане в 1947 г. было уни-

чтожено — согласно его завещанию — более 5000 историй болезни, опираясь на которые французский психолог строил свои обобщения [Элленбергер Г.Ф., 2004].

Именно опора на богатейшие эмпирические данные в сочетании с конструктивными методологическими стратегиями, по Роговину, обеспечили П. Жане успех.

Две статьи Роговина [Роговин М.С., 1960; Пирковский С.П., Роговин М.С., 1961] и книга [Роговин М.С., 1969] по сути сделали исследования П. Жане доступными русскоязычному читателю. Дело в том, что в СССР (впрочем, как и в других странах) были известны только ранние работы П. Жане. В результате П. Жане остается, вероятно, самой недооцененной фигурой в мировой психологии. М.С. Роговин очень высоко оценивал научную деятельность Жане. Согласно М.С.Роговину, «Жане впервые попытался создать систему понятий психологии поведения, которая в отличие от другой поведенческой психологии — бихевиоризма — не только не имела целью свести действия человека к элементарным реакциям, но, наоборот, показать закономерность развития высших форм поведения из низших, т.е. генетически и структурно им предшествовавших» [Роговин М.С., 1969, с. 329].

По мнению М.С. Роговина, особенности научного творчества Пьера Жане обусловлены рядом уже существовавших в психологии тенденций, но «чтобы стать столь явными и чтобы можно было понять и оценить их значение, им необходимо было сойтись в одном фокусе; теория Жане как раз и стала таким сосредоточием многих важнейших тенденций психологии последней четверти XIX — первой половины XX в.» [Роговин М.С., 1969, с. 329]. М.С. Роговин поясняет, подчеркивая, что Жане в первую очередь является ярким представителем французской школы (французской школы эмпирической психологии), основателем которой по праву считается Теодюль Рибо. Рибо оставался приверженцем интроспекции и психофизического параллелизма, истолковывая явления сознания как эпифеномены, но в его взглядах «достаточно ясно проступили и черты гораздо более совершенной психологии» [Роговин М.С., 1969, с. 330]. Рибо признавал огромное значение двигательных компонентов в психическом развитии; признавал социальную обу-

словленность высших психических функций; и хотя он не был экспериментатором, явился организатором первой во Франции психологической лаборатории. «Решительный противник умозрительной философской психологии, Рибо стремился строить ее как экспериментальную науку на сравнительном и эволюционном принципах; именно благодаря этим особенностям концепции Рибо она оказала огромное влияние на последующее поколение выдающихся французских психологов: А. Бине, П. Жане, Ж. Дюма, Ш. Блонделя, А. Пьерона, Ж. Пиаже, А. Валлона» [Роговин М.С., 1969, с. 330].

Роговин отмечает, что психология Жане представляет собой важнейшее связующее звено между французской психологией конца XIX — начала XX в. и современным ее состоянием, которое с точки зрения развития расчленяется на три направления: А. Пьерон, современный специалист в области психофизики, продолжал разработку эволюции психики в биологическом плане; А. Валлон и Ж. Пиаже продолжили разработку идеи развития в плане генетической психологии; марксистское направление исторической психологии И. Меерсона и Ж. Вернана (в понимании уровней действия и психического напряжения) продолжают концепцию Жане [Роговин М.С., 1969, с. 330–331].

Как отмечает М.С. Роговин, «основным методом Жане были многочисленные клинические наблюдения (Жане — ученик не только Рибо, но и Ж. Шарко — крупнейшего французского невропатолога, одного из основоположников изучения неврозов и гипнотизма); в ряде случаев эти наблюдения дополнялись изящными психологическими экспериментами, которые представляли собой не собственно лабораторный эксперимент, а скорее усовершенствованные клинические пробы. Жане последовательно проводил линию на последовательное сближение психологии и психиатрии» [Роговин М.С., 1969, с. 331]. К сказанному выше добавим, что эволюционный подход и ориентация на сравнение нормального и патологического в психическом развитии способствовали тому, что предмет психологии определялся П. Жане не узкоаналитически (такая традиция была заложена В. Вундтом в его физиологической психологии и продолжена как его последователями, так и оппонентами), а целостно.

М.С. Роговин предпринимает подробный разбор теории П. Жане, позволяющий создать четкое представление не только о подходе французского ученого, но и детальной характеристике уровней действий и девяти тенденций нижнего, среднего и высшего уровня, выделяемых Жане.

М.С. Роговину удается сделать то, что мало кому в психологии удавалось. Дело в том, что Пьер Жане не успел (или не считал нужным) свести свои многочисленные, полученные в исследованиях в разные годы результаты в единую систему. Как следствие, для того, чтобы представить себе концепцию Жане в целом, требуется большая и специальная работа исследователя. Роговину это удается в полной мере, в результате чего теория Жане предстает монументальной конструкцией, не имеющей аналогов и прецедентов в мировой психологической науке. Обычно историки психологии обращаются к ранним работам Жане, что позволяет свести его результаты к удобным для использования клише, а книги и статьи, опубликованные французским ученым в 1920–1940 гг., остаются в тени.

Особенно стоит подчеркнуть, что работы этого периода на русский язык практически не переводились. По подсчетам Г.Ф. Элленбергер [Элленбергер Г.Ф., 2004], для того, чтобы изложить суть «великого синтеза», предпринятого Жане, ему для этого понадобилось два десятка книг и несколько десятков статей. Добавим, что Роговин не только излагает концепцию Жане, но и предлагает читателю критику, указывающую на «узкие» места теории великого француза.

Обратим внимание на то, что далее (после опубликования книги «Введение в психологию» в 1969 г.) перед М.С. Роговиным открывались новые перспективы: или приступить к написанию многотомной истории психологии, или заняться разработкой структурно-уровневой теории психики. Как мы упоминали выше, выбор был сделан в пользу второй альтернативы — писать в стол, не имея возможности опубликовать, Роговин не мог, он был призван осуществить свою миссию, реализации которой было подчинено все его творчество (см. подробно: [Мазилев В.А., 2021d]).

Перспективы истории психологии в свете структурно-уровневого подхода М.С. Роговина

В значительной степени условно творчество М.С. Роговина в психологии можно разделить на четыре этапа: 1) 1950–1956: разработка проблемы понимания; 2) 1957–1969 — разработка методологии психологической науки; 3) 1970–1988 — разработка структурно-уровневого подхода в психологии; 4) 1988–1993 — разработка методологии акциональных наук. Строго говоря, вопросы истории психологии активно рассматривались в трудах ученого на всех этапах.

В предыдущем разделе мы сосредоточились на работах второго этапа. Сейчас обратимся к историко-психологическим идеям, высказанным в исследованиях третьего этапа, связанного с разработкой структурно-уровневого подхода в психологии.

Характеризуя историко-психологические взгляды М.С. Роговина выше, мы отмечали, что уровневый подход был представлен в концепции ученого изначально. Однако в процессе работы над книгой «Введение в психологию» и позднее, в 1970-е гг., М.С. Роговин приходит к заключению, что уровневый подход в психологии необходимо должен выходить за рамки первоначального замысла, преобразуясь в структурно-уровневый подход. Как мы пытались показать в предыдущем разделе статьи, основанием для подобного пересмотра явился, в частности, анализ теории Пьера Жане, которая явно выделялась из концептуализаций психического, предложенных его современниками.

М.С. Роговин пишет: «Структурно-уровневый подход представляет собой отрицание как расчленяющего, атомизирующего ассоцианизма, так и той психологии, которая составляла весь психический мир человека из отдельных “способностей”, из относительно самостоятельных по своим функциям процессов (восприятия, мышления, памяти, эмоций). Наряду с этим структурно-уровневый подход скорее не отменяет предшествовавшие ему теоретические подходы, а включает их в себя в виде частных, подчиненных — в снятом виде» [Роговин М.С., 1974, с. 187].

И далее: «В самом общем виде суть структурно-уровневого подхода заключается в том,

что, во-первых, психика рассматривается при этом как некая целостность, единство, “система”, “организация”, “структура”, “поле” (все эти термины нередко выступают как синонимы или, во всяком случае, как очень близкие по смыслу, и далее мы специально остановимся на вопросе об их дифференциации); во-вторых, психика включается в качестве подструктуры в более широкие системы взаимодействия человека и среды. Внутри этой подструктуры отдельные ее компоненты представляют неравноценный фонд различных по своей психологической природе образований, находящихся в некоторых определенных (в том числе иерархизированных по уровням) отношениях как друг к другу, так и к целому» [Роговин М.С., 1974, с. 187].

Приведем высказывание М.С. Роговина, характеризующее задачи истории психологии: «Обращаясь к истории психологии, мы можем ставить перед собой две довольно сильно различающиеся задачи. Во-первых, речь может идти о том, чтобы показать реальное для своего времени содержание психологических понятий, выявить общеисторический и общенаучный контекст их возникновения и развития, место той или иной концепции в последовательности их смены (историческое рассмотрение в узком смысле слова). Во-вторых, обращение к истории психологии может означать лишь предварительный шаг к ее систематическому рассмотрению. Всякая наука стремится отразить закономерности собственного развития, показать “предуготовленность” своего будущего в настоящем и прошлом. В таком случае мы пытаемся раскрыть “вторую логику” — логику движения самих научных понятий. Именно такой путь позволяет глубже всего осмыслить сущность структурно-уровневого подхода и в конечном итоге структурно-уровневой теории в психологии» [Роговин М.С., 1977b, с. 8].

Представляется чрезвычайно важным следующее заключение: «Говоря о структурно-уровневой теории как о результате развития определенного “подхода”, мы не идентифицируем последний с тем или иным “направлением” в психологии. “Направление”, в общеупотребительном значении термина, отражает не столько область исследования (психические функции, познавательные процессы, качества

личности и т.п., хотя и это обычно подразумевается), сколько целенаправленный, производимый под определенным углом зрения отбор фактического материала и его истолкование; в этом значении термина “направление” во многом соприкасается с понятием “научной школы”. “Подход” — это нечто более общее, могущее включать в себя несколько направлений, даже резко отличающихся друг от друга, подход — это **способ объяснения**. Психология, как и всякая наука, имеет в своем арсенале несколько способов объяснения, некоторые из которых идентичны со способами объяснения, применяемыми в других науках, иные могут рассматриваться в качестве исключительно ее достояния. Структурно-уровневый подход как определенный способ объяснения психики, существующий наряду с подходами функциональным, генетическим, наряду со “сведением”, моделированием, не только привлек к себе гораздо меньше внимания, но и занял в психологии несколько обособленное положение» [Роговин М.С., 1977b, с. 12–13].

Приведем важное заключение, к которому приходит М.С. Роговин: «В последней четверти XIX в., т.е. в период становления психологии как “самостоятельной” науки и вместе с тем отчетливого идеалистического понимания ее возможностей, уровни психического выступают не столько сами по себе, сколько через методологическое и методическое ограничение области их исследования: экспериментальная психология охватывает лишь элементарные процессы, область, пограничную между психологией и физиологией (“науки о природе”), а описательная психология, изучающая высшие процессы, имеет своим объектом предметы материальной культуры, служащие внешним условием реализации активности человеческого духа (“наука о духе”). Дальнейшее развитие научного изучения психики показало искусственность этого разделения. Однако все усложняющаяся методика и техническая оснащенность экспериментально-психологического исследования постоянно ставят проблему метазначения понятия уровней, только “прикрытых” уровневой структурой самого психологического исследования. “Развести” эти два понятия “уровней” методологически необходимо, а возможно бывает лишь на конкретном матери-

але. В качестве производной выступает здесь задача “единиц” психологического исследования. История психологии свидетельствует, что длительное время оно строилось главным образом на принципе редукционизма, т.е. имело место постоянное стремление выразить данные высших уровней через низшие, свести первые к последним. Не случайно, вместе с развитием прикладных областей, в частности, инженерной психологии, наметилась явная тенденция выражать результаты исследования в терминах самой деятельности, в оперативных единицах, иначе говоря, рассматривать изучаемое явление в рамках одного, объективного заданного уровня» [Роговин М.С., 1977b, с. 11–12].

Важно, что М.С. Роговин подчеркивает: «Нельзя также полностью отвлечься и от проблемы относительной самостоятельности уровней. Можно пересмотреть историю и систему современной психологии и констатировать, что то, что обычно обозначается как познавательные процессы или функции (ощущения, восприятия, внимание, память, мышление), может быть проанализировано в понятиях иного типа — в понятиях структурно-уровневой теории» [Роговин М.С., 1977b, с. 10].

Вместе с тем М.С. Роговин указывает, что неправильно было бы считать структурно-уровневый подход универсальным: «...структурно-уровневый подход имеет солидную общенаучную и методологическую основу и что в настоящее время на этой основе осуществляется процесс формирования структурно-уровневой теории психики. (Мы еще раз подчеркиваем, что речь идет именно о формировании, поскольку понятия “структуры” и “уровней” в известной мере сохраняют взаимозависимость и объединяются лишь постепенно, под давлением внутренней логики развития объекта исследования). Рассмотренные выше некоторые ее методологические предпосылки могут, вероятно, создать впечатление в значительной мере об универсальном характере структурно-уровневой концепции как способа объяснения психического. Такое впечатление может еще более усилиться вслед за прослеживанием развития этой концепции в историко-философском плане. Такое впечатление было бы неправильным — эта концепция не является универсальной; но это все же очень широкая

концепция, поскольку с ее позиций оказалось возможным в известной мере по-новому проводить анализ целого ряда психологических проблем, нередко не укладывавшихся в объяснительные схемы других теорий» [Роговин М.С., 1977b, с. 14].

Не будем далее цитировать или пересказывать положения структурно-уровневого подхода, поскольку любой желающий легко может ознакомиться с публикациями М.С. Роговина [Роговин М.С., 1974, 1977b].

Обратим внимание на то, что эти работы открывают принципиально новые перспективы для разработки истории психологии, поскольку, основываясь на положениях структурно-уровневого подхода, историк психологии понимает, что не все работы, выполненные в психологии, имеют одинаковое значение, какие-то, к примеру, полностью принадлежат прошлому, поскольку реализуют упрощенные исследовательские подходы. Во многих случаях становится понятна природа полученных результатов, ибо становится ясно, что же не было учтено исследователем.

Иными словами, история психологии приобретает объемность, становится более обозримой, в значительно большей степени ориентированной на интеграцию накопленного знания.

Подчеркнем, что, характеризуя идеи, выдвинутые М.С. Роговиным на этом этапе, мы должны полностью давать себе отчет в том, что пока это всего лишь перспективные положения. М.С. Роговин не успел разработать концепции новой истории психологии, лишь наметил, в каком направлении возможно движение в ее построении. Как представляется, идеи структурно-уровневой истории психологии имеют значительную ценность и большое эвристическое значение.

Заключение

Полагаем, что идеи М.С. Роговина относительно концепции истории психологии не утратили своей актуальности. Многими историками психологии отмечалось, что линейная схема построения истории психологии как научной дисциплины не может отразить всей сложности процесса развития психологической науки. Думается поэтому, что представления М.С. Рого-

вина об истории психологии, высказанные ученым в разные годы, по-прежнему актуальны.

В качестве возможного направления развития идей М.С. Роговина в плане разработки структурно-уровневой истории психологии назовем подход, который развивается в последнее время в наших работах [Мазилев В.А., 2021с]. Речь идет о том, что историко-методологические исследования свидетельствуют: в современной психологии недостаточно используется потенциал методологии и, в частности, не полностью реализуются возможности понятия «предмет психологии». В психологии, как показывают исследования, начиная с В. Вундта и по настоящее время доминирует традиция узкоаналитического способа определения предмета психологии. Этой традиции соответствует стратегия исследования «единиц психического», по которым пытаются судить о психике в целом. Можно полагать, что более перспективным является подход, в соответствии с которым предмет понимается как совокупный и имеющий уровневое строение. Вариантом такой трактовки является подход, при котором в качестве предмета понимается внутренний мир человека [Мазилев В.А., 2021с]. Как нам представляется, возможен вариант разработки истории психологии как концепции эволюции предмета психологии, трактуемого как структурно-уровневый феномен.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07156.

Acknowledgements

The research was funded by RFBR, project No. 19-29-07156.

Список литературы

Артемяева О.А. Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 534 с.

Залевский Г.В., Мазилев В.А., Урываев В.А., Соловьев А.В., Урванцев Л.П. Михаил Семенович Роговин — опережая время // Медицинская психология в России. 2013. Т. 5, № 5(22). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2013_5_22/nomer/nomer09.php (дата обращения: 15.09.2021).

Кольцова В.А. История психологии. Проблемы методологии. М.: Когито-Центр: Ин-т психологии РАН, 2008. 511 с.

Кольцова В.А. Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2004. 416 с.

Кольцова В.А., Холоднович Е.Н. Воплощение духовности в личности и творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Ин-т психологии РАН, 2013. 304 с.

Левченко Е.В. История и теория психологии отношений. СПб.: Алетейя, 2003. 310 с.

Логинова Н.А. Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. 366 с.

Логинова Н.А. (авт. и сост.). Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 376 с.

Логинова Н.А. Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 285 с.

Мазилев В.А. Михаил Семенович Роговин — методолог психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1, вып. 2. С. 103–112.

Мазилев В.А. Михаил Семенович Роговин — философ психологии (к 100-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2021. Т. 42, № 5. С. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920017080-4>

Мазилев В.А. М.С. Роговин как историк психологии: завещание мастера // Ярославский психологический вестник. 2021. Вып. 2(50). С. 42–50.

Мазилев В.А. М.С. Роговин: философ психологии // Сибирский психологический журнал. 2011. № 40. С. 80–88.

Мазилев В.А. Психология и методология психологической науки: нерешенные актуальные проблемы // Методология современной психологии. Вып. 14: сб. / под ред. В.В. Козлова, А.В. Карпова, В.А. Мазилова, В.Ф. Петренко. М.; Ярославль: ЯрГУ, НИИСИ РАН, МАПН, 2021. С. 46–63.

Мазилев В.А. Уроки мастера: человек, который знал все. Несколько штрихов к портрету М.С. Роговина // Ярославский психологический вестник. 2021. Вып. 2(50). С. 12–19.

Мироненко И.А. Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015. 304 с.

Пирковский С.П., Роговин М.С. Пьер Жане // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1961. Т. 61, вып. 3. С. 449–456.

Роговин М.С. Введение в психологию. М.: Высш. шк., 1969. 382 с.

Роговин М.С. Проблемы теории памяти. М.: Высш. шк., 1977. 181 с.

Роговин М.С. Психологическое исследование: учеб. пособие. Ярославль, ЯрГУ, 1979. 66 с.

Роговин М.С. Пьер Жане // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 6. С. 100–110.

Роговин М.С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник, 1974. М.: Наука, 1974. С. 187–230.

Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии: учеб. пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1977. 80 с.

Роговин М.С. Уровневая структура психики в учении Аристотеля // Системные исследования. Ежегодник, 1978. М.: Наука, 1978. С. 152–168.

Роговин М.С. Философские проблемы теории памяти. М.: Высш. шк., 1966. 168 с.

Роговин М.С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1968. 28 с.

Славская А.Н. Основы психологии
С.Л. Рубинштейна. Философское обоснование развития. М.: Когито-Центр: Ин-т психологии РАН, 2015. 344 с.

Сленко Ю.Н., Мазилев В.А. К 100-летию М.С. Роговина — интервью с учеником // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5(122). С. 143–158.

Холондович Е.Н. Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 260 с.

Элленбергер Г.Ф. Открытие бессознательного: история и эволюция динамической психиатрии. Т. 2: Психотерапевтические системы конца XIX — первой половины XX века. СПб.: Янус, 2004. 668 с.

Carus F.A. Nachgelassene Werke: Dritter Teil. Geschichte der Psychologie. Leipzig: Barth und Kummer, 1808. 790 S.

Получена: 24.01.2022. Принята к публикации: 15.02.2022

References

Artem'eva, O.A. (2015). *Sotsial'no-psikhologicheskaya determinatsiya razvitiya rossiyskoy psikhologii v pervoy polovine XX stoletiya* [Socio-psychological determination of the develop-

ment of Russian psychology in the first half of the 20th century]. Moscow: IP RAS Publ., 534 p.

Carus, F.A. (1808). *Nachgelassene Werke: Dritter Teil. Geschichte der Psychologie* [Works: Third part. History of psychology]. Leipzig: Barth und Kummer Publ., 790 p.

Ellenberger, G.F. (2004). *Otkrytie bessoznatel'nogo: istoriya i evolutsiya dinamicheskoy psikhiiatrii. T. 2: Psikhoterapevticheskiye sistemy kontsa XIX — pervoy poloviny XX veka* [The discovery of the unconscious: The history and evolution of dynamic psychiatry. Vol. 2: Psychotherapeutic systems of the late 19th — first half of the 20th century]. St. Petersburg: Yanus Publ., 668 p.

Kholondovich, E.N. (2010). *Rekonstruktsiya psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti geniya na primere izucheniya zhiznennogo puti i tvorchestva F.M. Dostoevskogo: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Reconstruction of the psychological characteristics of the personality of a genius by the example of studying the life path and creativity of F.M. Dostoevsky: dissertation]. Moscow, 260 p.

Kol'tsova, V.A. (2004). *Teoretiko-metodologicheskiye osnovy istorii psikhologii* [Theoretical and methodological foundations of the history of psychology]. Moscow: IP RAS Publ., 416 p.

Kol'tsova, V.A. (2008). *Istoriya psikhologii. Problemy metodologii* [History of psychology: Problems of methodology]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., IP RAS Publ., 511 p.

Kol'tsova, V.A. and Kholondovich, E.N. (2013). *Voploschenie dukhovnosti v lichnosti i tvorchestve F.M. Dostoevskogo* [The embodiment of spirituality in the personality and creativity of F.M. Dostoevsky]. Moscow: IP RAS Publ., 304 p.

Levchenko, E.V. (2003). *Istoriya i teoriya psikhologii otnosheniy* [History and theory of relationship psychology]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 310 p.

Loginova, N. A. (2005). *Opyt chelovekoznaniya: Istoriya kompleksnogo podkhoda v psikhologicheskikh shkolakh V.M. Bekhtereva i B.G. Anan'eva* [The experience of human knowledge: The history of an integrated approach in the psychological schools of V.M. Bekhterev and B.G. Ananyev]. St. Petersburg: SPbU Publ., 285 p.

Loginova, N.A. (2006). *Boris Gerasimovich Anan'ev: Biografiya. Vospominaniya. Materialy* [Boris Gerasimovich Ananyev: Biography. Memories. Materials]. St. Petersburg: SPbU Publ., 376 p.

Loginova, N.A. (2016). *Antropologicheskaya psikhologiya Borisa Anan'eva* [Anthropological psy-

chology of Boris Ananyev]. Moscow: IP RAS Publ., 366 p.

Mazilov, V.A. (2006). [Mikhail Semyonovich Rogovin — methodology of psychology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology]. Vol. 1, iss. 2, pp. 103–112.

Mazilov, V.A. (2011). [M.S. Rogovin: philosopher of psychology]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 40, pp. 80–88.

Mazilov, V.A. (2021). [Master's lessons: a man who knew everything. Several strokes to the portrait of M.S. Rogovin]. *Yaroslavskiy psikhologicheskii vestnik* [Yaroslavl Psychological Bulletin]. Iss. 2(50), pp. 12–19.

Mazilov, V.A. (2021). [M.S. Rogovin as a historian of psychology: master's testament]. *Yaroslavskiy psikhologicheskii vestnik* [Yaroslavl Psychological Bulletin]. Iss. 2(50), pp. 42–50.

Mazilov, V.A. (2021). [Philosopher of psychology (to the 100-th anniversary of the birth of M.S. Rogovin)]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 42, no. 5, pp. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920017080-4>

Mazilov, V.A. (2021). [Psychology and methodology of psychological science: unresolved current problems]. *Metodologiya sovremennoy psikhologii. Vyp. 14* [Methodology of modern psychology. Iss. 14]. Yaroslavl: YSU Publ., NIISI RAS Publ., MAPN Publ., pp. 46–63.

Mironenko, I.A. (2015). *Rossiyskaya psikhologiya v prostranstve mirovoy nauki* [Russian psychology in the space of world science]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 304 p.

Pirkovskiy, S.P. and Rogovin, M.C. (1961). [Pierre Janet]. *Zhurnal nevropatologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova* [Journal of Neuropathology and Psychiatry named after S.S. Korsakov]. Vol. 61, iss. 3, pp. 449–456.

Rogovin, M.S. (1960). [Pierre Janet]. *Vestnik istorii mirovoy kul'tury* [Bulletin of the History of World Culture]. No. 6, pp. 100–110.

Rogovin, M.S. (1966). *Filosofskie problemy teorii pamyati* [Philosophical problems of memory theory]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 168 p.

Rogovin, M.S. (1968). *Elementy obschey i patologicheskoy psikhologii v postroenii psikhologicheskoy teorii: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk* [Elements of general and pathological psychology in the construction of psychological theory: Abstract of D.Sc. dissertation]. Moscow, 28 p.

Rogovin, M.S. (1969). *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to psychology]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 382 p.

Rogovin, M.S. (1974). [Development of a structural-level approach in psychology]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik, 1974* [System research. Yearbook, 1974]. Moscow: Nauka Publ., pp. 187–230.

Rogovin, M.S. (1977). *Problemy teorii pamyati* [Problems of memory theory]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 181 p.

Rogovin, M.S. (1977). *Strukturno-urovnevye teorii v psikhologii* [Structural-level theories in psychology]. Yaroslavl: YSU Publ., 80 p.

Rogovin, M.S. (1978). [The level structure of the psyche in the teachings of Aristotle]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik, 1978* [System research. Yearbook, 1978]. Moscow: Nauka Publ., pp. 152–168.

Rogovin, M.S. (1979). *Psikhologicheskoe issledovanie* [Psychological research]. Yaroslavl: YSU Publ., 66 p.

Slavskayya, A.N. (2015). *Osnovy psikhologii S.L. Rubinshteyna. Filosofskoe obosnovanie razvitiya* [Fundamentals of psychology by S.L. Rubinstein. Philosophical justification of development]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., IP RAS Publ., 344 p.

Slepko, Yu.N. and Mazilov, V.A. (2021). [On the 100th anniversary of M.S. Rogovin — interview with a student]. *Yaroslavskiy psikhologicheskii vestnik* [Yaroslavl Psychological Bulletin]. No. 5(122), pp. 143–158.

Zalevskiy, G.V., Mazilov, V.A., Uryvaev, A.V. and Solov'ev, L.P. (2013). [Mikhail Semenovich Rogovin — being ahead of time]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia]. Vol. 5, no. 5, pp. 1. Available at: http://mprj.ru/archiv_global/2013_5_22/nomer/nomer09.php (accessed 15.09.2021).

Received: 24.01.2022. Accepted: 15.02.2022

Об авторе

Мазилев Владимир Александрович

доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и социальной
психологии

Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского,
150000, Ярославль, ул. Республиканская, 108/1;
e-mail: v.mazilov@yspu.org
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>
ResearcherID: F-9746-2013

About the author

Vladimir A. Mazilov

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of General
and Social Psychology

Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky,
108/1, Respublikanskaya st., Yaroslavl, 150000, Russia;
e-mail: v.mazilov@yspu.org
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0646-6461>
ResearcherID: F-9746-2013

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мазилев В.А. История психологии как наука: вклад М.С. Роговина // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 10–24. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-10-24

For citation:

Mazilov V.A. [History of psychology as a science: the contribution of M.S. Rogovin]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 10–24 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-10-24